

Ксения Позднякова

Мастер Ревич

Я часто слышу, что незаменимых людей нет. На самом деле есть. Душа — как комната. На стуле сидел близкий человек. Вот он ушел, и кого ты на его место ни посади, стул останется пустым. Мастер нашего курса Александр Михайлович Ревич — один из таких незаменимых.

Фронтвик, прошедший штрафбат, поэт и профессиональный переводчик с французского, в 73 года Александр Михайлович решил заняться педагогикой. Что его на это сподвигло, я никогда не задумывалась. Денег Литинститут почти не платил, да и что за радость обучать бестолковых студентов. Для меня всегда оставалось загадкой, зачем мы ему сдались, почему он тратил на нас время и силы. Особенно если учесть, что преподавание в Лите, как и во всех других творческих вузах, ведется в мастерских. А руководитель курса не просто учитель, а мастер, доступный ученику 24 часа в сутки семь дней в неделю — и так целых пять лет.

Вдобавок даже внутри Лита к кафедре художественного перевода отношение неоднозначное. Ну кто такой переводчик? Все поэты, писатели, на край — критики. А эти кто?.. По общему мнению, в художественные переводчики идут те, кто не способен к самостоятельному творчеству...

Не будешь каждому объяснять, что передать чужой текст на родном языке — не меньшее, а порой и большее искусство, чем внятно изложить собственные мысли. К тому же переводчик всегда остается в тени автора. Люди мы в основном неизвестные или известные в узком кругу. Так что нет ничего удивительного, что когда я впервые увидела Александра Михайловича, то толком и не поняла, кто передо мной. Так, пожилой человек с лукавым взглядом и скрипучим голосом. Ни о каких «Трагических поэмах Агриппы д'Обинье» по-русски я ничего прежде не слышала, да и по-французски тоже.

Как поэт А.М. и вовсе был малоизвестен. Почему? Бог его знает. На первом занятии он решил представиться основательно и подарил нам свою книгу «Чаша». Правда, открыли мы ее не сразу. По крайней мере, я с творчеством Александра Михайловича познакомилась почти случайно: на телеканале «Культура» показывали выступление пародиста Александра Иванова, там-то я и услышала стихотворение Ревича. Желчный юморист высмеивал Александра Михайловича за цитату из Пушкина. Пародия «остроумно» называлась «Подражатель». Решив отыскать первоисточник, я и открыла томик, подаренный на занятиях. Отыскать кусочек текста — в итоге это оказалась «Поэма о ранней осени», ставшая одной из моих любимых, — удалось далеко не сразу. Сначала встретились «Папа, купи соловьиных», «Немного о Данте», лучше запоминающееся по первой строчке «Что Беатриче? — вздорная девчонка», «Пигмалион», «Снегопад», «Видно, я умру в своей постели» и пронзительное «Ты по мне проходишь болью: словно пламя по войне», сравнимое по силе разве что с Пастернаком. И наконец «Поэма о ранней осени».

Я позвонил тебе, чтобы сказать,
что я тебя люблю... Какие шутки?..
Я позвонил тебе...
Не позвонил.

В рифмованный текст заключена история отношений со всеми их счастьями и несчастьями, недопониманиями и откровениями. Так просто и так сложно... Кстати, пушкинские слова там есть, но абсолютно на месте. Потому что вложены в уста героини.

Первый год Александр Михайлович вел занятия вместе с известной переводчицей Кириллой Романовной Фальк-Барановской, внучкой Станиславского. Вместе они производили довольно курьезное впечатление: постоянно пикировались, делились воспоминаниями, рассказывали истории, пытаясь втянуть и нас в свои беседы. Не знаю, как другие, я же наблюдала за ними, словно за дуэтом Мироновой—Менакера, не особо вдаваясь в суть рассказанного, о чем сегодня очень жалею. Однажды они о чем-то яростно спорили, никак не могли договориться, в каком году происходили события. А.М. тщетно пытался настоять на своей версии, но Кирилла Романовна безапелляционно заявила: «Что вы со мной спорите, я-то лучше знаю, у меня как раз появился розовый костюм от “Шанель”».

Смерть Кириллы Романовны стала для нас определенной вехой, так как после этого Александр Михайлович перестал ездить в институт, а занятия окончательно перенесли к нему домой. Думаю, с того момента и началось более или менее сознательное существование нашего курса.

Александр Михайлович с женой Марией Исааковной жили в двухкомнатной квартире недалеко от Рижского вокзала. Их дом стал для многих из нас родным. Порой казалось, что пришел не на урок, а к любимым бабушке с дедушкой попить чаю. Конечно, без Муры, как вслед за А.М. все ласково называли Марию Исааковну, без ее лучистых с золотом кошачьих глаз такого ощущения никогда не возникло бы. То тепло, которое мы получили, согревает нас до сих пор. Они подарили нам еще несколько лет счастливого детства.

Маленькая комната служила Ревичу кабинетом, большая — гостиной. Поскольку нас было десятеро, занятия проходили именно там. На стенах висели картины Чекрыгина, Жегина, Штейнберга, правда, тогда имена эти мне ничего не говорили. Во время занятий Александр Михайлович усаживался в кресло, перекидывал ногу на ногу, задира подбородок, становясь похожим на осунувшегося орла. И начинал выбирать, кто сегодня будет читать.

Сначала мы всем курсом работали над какой-то французской книжкой про птиц. Язык мы начали учить только в институте, потому переводили на уровне «подстрочник со словарем». Качество было то еще. К тому же переводить про мадам Фламинго никому не хотелось. Мало того, что эта мадам строила гнездо на болоте, так она еще и пыхла, кряхтела и совершала массу других побочных действий, каждое из которых нужно было перепереть на русский, причем Александр Михайлович развлекался тем, что требовал несколько вариантов, громогласно заявляя, что птички — лучшая школа. Почему, не спрашивайте. Но чего еще ждать от любителя энциклопедии Брема?!

Потом был Мериме. «Хроника царствования Карла IX». За полгода осилили максимум три абзаца. Потому что каждый читал на занятиях свою версию, а Александр Михайлович объяснял, что в ней так, а что нет. Вообще А.М. занимался нашим развитием всеми доступными ему способами: читал вслух, делился книгами, готовил нас к зачетам и экзаменам. Ну а уж если ты говорил: «Не люблю я Гоголя, Горького...» (назвать можно имя любого классика), тебя ждал занимательный ликбез, целью

которого было непременно переубедить, склонить на сторону автора или хотя бы заставить недоросля проникнуться текстом. Меня он грузил Горьким, «Матерью», сидел над душой и читал вслух, добиваясь заветного: «Да дочитаю я, дочитаю!» Иногда рассказывал о тех, с кем общался лично: про уроки Антокольского и Луговского, отдых с Тарковским и его сыном Андрюшей. Когда речь зашла о «шестидесятниках», из женского любопытства я спросила про Ахмадулину: «Неужели она вам не нравилась? Какая она там поэтесса — дело десятое, зато красивая». А.М. ответил: «Сложно оценивать женщину, с которой водку пили...» Затем помолчал и добавил: «Да нет, красивой ее не назовешь... Как бы вам это объяснить... Она была дико сексуально привлекательна...» Все эти разговоры, вроде бы совершенно отвлеченные и необязательные, добавляли учебе радости и веселья, делая классиков близкими знакомыми.

Начались летние каникулы, а вместе с ними и мои личные отношения с А.М. Они с женой позвали меня в Переделкино, в дом творчества литераторов. Страшное место: вокруг одни писатели, а мне 19 лет. Александр Михайлович любил, когда к нему приезжала молодежь. Шутил, что иначе приходится обсуждать каждый вечер вчерашнюю программу «Время» и у кого что болит.

Приготовив пирог с клубникой, поехала в гости. А.М. читал мне свои стихи, рассказывал про то, как лежал в госпитале во время войны, про медсестру, что в мирное время была парикмахером. По словам Ревича, она ему так чуб накрутила, что волосы даже расти начали кудрявыми. Мне оставалось только гадать, что его так завело. Спросить я так и не решилась. Думаю, зря.

В Переделкине А.М. учил меня играть на бильярде. Учитывая, что одна нога Ревича подводила — сказывалось ранение и забытый в теле осколок — выглядело это феерично. Александр Михайлович утверждал, что для женщины главное правильно встать у стола, и любой сам сдастся.

Так все-таки, зачем я к нему ездила? И вообще, чему же нас учили пять лет? Нас учили тому, чего нет. И никогда не было. Но без чего невозможно жить. Подлинной радости бытия. Ведь мы, увешенные гаджетами, несомненно, обделены эмоциями и настоящими чувствами. Например, у Александра Михайловича была подруга-сверстница, выстукивавшая «Травиату» ладошками. Она не нуждалась ни в каком YouTube. Зачем, когда есть собственные руки? Ощущения, согласитесь, разные.

Бывали редкие моменты, когда А.М. все-таки приходилось приезжать в институт. Если знать, как выглядит историческое здание Лита на Тверском бульваре, становится понятно, почему он делал это редко. Чтобы попасть в любую из аудиторий, необходимо для начала подняться по широкой каменной лестнице. Для студентов 20 ступенек — пустяк, а для пожилого человека — целая история. Одной рукой А.М. брался за перила, второй сжимал палку и начинал восхождение. Попросить о помощи или хотя бы принять предложенную было выше его сил. Любая попытка его поддержать заканчивалась сварливым: «Мужчина здесь пока все-таки я». Приходилось уныло плестись позади, боясь, что в какой-то момент он все-таки не удержится, и что тогда мы костей не соберем. Когда наконец-то А.М. забирался наверх, то, указывая на трость, украшенную набалдашником в форме морды терьера, говорил: «Что вы переживаете, ничего со мной не случится, собака же при мне».

Позже я узнала историю этой палки. Когда-то, А.М. был еще совсем маленьким, точно такой же пользовался его дядя. Куда они делись (и трость, и дядя), не знаю. После ранения А.М. решил обзавестись палкой, но непременно как у дяди. Плюс, видимо, подобный аксессуар (не думаю, что это слово ему понравилось бы) вписывался в его шеголеватый поэтический образ. Однако найти такой раритет в СССР было практически невозможно. «Нашу собаку» привез кто-то из его друзей то ли из Франции,

то ли из Бельгии. Долгие годы она служила ему поддержкой и опорой. Но однажды пропала. Отмечая с однополчанином 9 мая, А.М. забыл ее в ресторане. А когда вспомнил, то «собачки», как он сам ее называл, и след простыл.

Потерю друга А.М. переживал трудно. Думаю, в этом он видел очередной намек на свой возраст и слабость. Тогда-то мы с сокурсниками и задумали найти копию. Обзванивали антикварные салоны, коллекционеров, мастерские краснодеревщиков. Тщетно. Предлагали кого угодно — от зайца до дракона — только не собаку. Не найдя ничего лучше, остановились на льве. Конечно, не терьер, но все-таки и не дракон. Хотя, думаю, замену мы подобрали не лучшую. Натуре А.М. мало соответствовал хищник с разъявленной пастью. Тем более медной. «Наша»-то трость была серебряной. Однако подарок приняли, и он поселился на Переяславской. К сожалению, столь же теплых отношений у А.М. со львом не сложилось, слишком мало им выпало времени. Через пару лет я увидела сестру «нашей собаки» в одном из антикварных магазинов Нишцы, но подарить ее уже было некому.

Надо сказать, Ревич мало подходил под классический образ поэта. Например, терпеть не мог так называемых «будуарных» стихотворцев. При любом упоминании Кокто или Элюара вспыхивал: «Да что вы нашли в этом салоне?!» «Салон» — вообще было любимым ругательством в адрес всего, что ему не нравилось. Правда, досконально понять, что именно имелось в виду под этим словом, невозможно. Официальная версия — собственное объяснение А.М. — звучала так: в жизни может быть как угодно, а литература на пустые красоты права не имеет. Я всегда с ним спорила, хотя понимала: каждый останется при своем. Хотя нет, не так. Из каждого подобного спора я узнавала много нового как по части литературы, стихов, книг, так и про жизнь в целом. В очередной раз сцепившись с А.М. по поводу Элюара и выслушав, что настоящий поэт всегда реалистичен, осмелилась заявить: «Конечно, Блок ваш реалист!» Тут необходимо пояснить, что из всего XX века А.М. больше всего ценил Блока, Есенина, Маяковского и Пастернака. «“Твое лицо в его простой оправе своей рукой убрал я со стола” — жесткий реализм», — продолжила я. Решив закрепить результат, добавила: «К тому же он, трус, звал звезду, звал в “Незнакомке”, а когда она пришла, испугался и сбежал». А.М. засмеялся и иронично ответил: «Аргумент женский, я заканчиваю с вами спорить». Как я ни пыталась его переубедить — все напрасно.

Возможность вернуть комплимент представилась далеко не сразу. Однажды во время сессии А.М. уговаривал меня помочь одной нашей однокурснице. На мое замечание, с чего бы кто-то должен за нее учиться, мэтр сказал: «Ну она такая хрупкая, маленькая, ее нужно пожалеть». Вот тут-то мне и пригодился его ответ: «Аргумент мужской, Александр Михайлович, я заканчиваю с вами спорить». Мастер весело рассмеялся: «Знал же, что рано или поздно вы щелкнете меня по носу».

Вообще несмотря на свой почтенный возраст А.М. обожал женское общество. Причем, видимо, так было всегда. Как-то раз Ревич давал интервью для канала «Культура». Нас привлекли в качестве статистов. Читал стихи, рассказывал о себе. Заслушавшись, режиссер спросил: «С таким красноречием вы небось очень нравились женщинам?» А.М., как обычно, отшутился и продолжил повествование. Комплимент главы съемочной группы услышала Мура. И когда я принесла на кухню поднос с чайными чашками (нас всегда после урока поили чаем с печеньем), то заметила, что Мура не в духе. Взяв у меня поднос, она так резко поставила его на стол, что чашки жалобно звякнули. Я спросила, что случилось. Она ответила: «Меня часто спрашивают, не ревную ли я его. Так вот, я свое отревновала!»

Собственно, в мужской привлекательности Ревича никто и не сомневался. Даже в очень преклонном возрасте он оставался настоящим мужчиной и истинным джентльменом, способным наступить на горло собственной песне. Последний учебный

год мы готовились к диплому: институт требовал представить перевод рассказа или повести. Я от жадности схватилась за роман, к тому же мне за него в издательстве еще и гонорар пообещали. Действие книги «В тот год я выучил английский» Жана-Франсуа Дюваля разворачивалось в 60-е годы в Кембридже. Так что, само собой, в повествование то и дело вплетались тексты и мелодии «Битлз», «Роллинг стоунз» и Элвиса Пресли. С них роман и начинался: «По радио играли “Битлз” “Lady Madonna”, и Элвис пел “Guitar Man”». А.М. упорно настаивал, что все названия нужно во что бы то ни стало перепереть на родной язык. Как я его ни убеждала — тщетно. Даже аргумент: «Что, будем писать: группа “Жуки”, песня “Надысь”?» — не дал нужного эффекта. «Переводите», — и все тут, мастер был непреклонен. Даже поняв, что не прав, отступить от своих слов он не мог. Продолжал спорить из чистого упрямства. Вообще он был фантастически упертым. Причем сам нередко страдал от собственной несговорчивости и ершистости. Однажды рассказал о том, как поссорился с Микаэлом Леоновичем Таривердиевым, с которым долгое время поддерживал близкие отношения. Прослушав очередную композицию, А.М. безапелляционно заявил: «Сколько можно растрачиваться на всякую ерунду и носиться с фильмами, пора уже взяться за что-то серьезное». Дружбе, разумеется, пришел кирдык.

Зная об этом его качестве, я собралась согласиться. Но тут Александр Михайлович сказал: «Отношения с вами мне дороже, делайте, как хотите». Умение красиво выйти из положения было его коньком: вроде бы и не признал, что ошибся, а вышло эффектно.

Его кабинет также был частью образа. Каждая вещь на своем месте, и у каждой своя история. Постепенно мы узнавали о людях, событиях, с ними связанных. Например, на стене висел подлинный Зверев. Знаменитый сегодня художник некогда страшно нуждался, к тому же страдал от пристрастия к выпивке. Однажды А.М. дал ему взаймы 10 рублей. Долг вернулся картиной. Или знаменитая коллекция трубок, от греха подальше спрятанная в прозрачный короб. Мы по наивности думали, что мэтру было сложно бросить дымить, потому он их и заковал. На деле проблема состояла совсем в другом. Завязав с табаком, А.М. начал раздаривать трубки: пара ушла к Михаилу Козакову, еще штук пять разошлись по друзьям-курильщикам. Так бы, наверное, коллекция и сгинула, если бы в один прекрасный день ее не запаляли в пластик. Конечно, сделал это кто-то из знакомых. Самому Ревичу это и в голову бы не пришло.

Было здесь и типичное писательское кресло со львами на подлокотниках. Каждый из нас рано или поздно удостаивался привилегии посидеть на месте мастера. Видимо, А.М. нравилось наблюдать, как мы ерзаем и отнекиваемся от предложенной чести. Ну и, конечно, книги. Все стены были увешаны полками, где хранилось множество сокровищ. Наверное, у каждого, кто знал Александра Михайловича, есть не один томик, подаренный им. Поверх книжных корешков стояли фотографии, среди них дореволюционный портрет отца с братьями, один из которых ушел с Врангелем... Еще на одной были запечатлены молодые А.М. и Мура. Он в шляпе и тренче, похожий на Хамфри Богарта, и она, в замысловатом наряде, вылитая Ава Гарднер. А.М. рассказывал, что перед съемкой они жутко поругались, и даже на фото видно было, какие меж ними кипели страсти.

Оба они, и А.М., и Мура, люди верующие, увлекались различной мистикой. Мария Исааковна умела гадать на кофейной гуще, причем порой изумляя точностью догадок. А.М. чувствовал настроение, знал, когда у нас что-то не ладилось. Собственно, он и до сих пор появляется в трудные моменты: то позвонит общий знакомый, то книгу его вернут... Как-то раз я надела зеленые линзы. Он попросил снять: «Я не могу заглянуть вам в душу...»

Как-то, уже закончив институт, я набирала ему на компьютере стихи для очередной книги. (Пожалуй, компьютер — единственный противник, который оказался А.М. не по плечу.) Когда принесла готовые странички, зашла речь о гонораре. Само собой, для меня плата исключалась. Александр Михайлович уговаривал всеми возможными способами, угрожал обидеться на всю жизнь и так далее. Понимая, что с ним спорить — себе дороже, я громко заявила: «За любовь денег не беру». Дорого бы я сейчас отдала, чтобы снова увидеть его растерянное лицо и услышать скрипучее: «Но от книги же вы не откажетесь?!» Конечно, нет.

Теперь, к сожалению, только книги и остались...

Мои слова, они найдут тебя,
придут к тебе куда-нибудь, когда-то
в июльский зной или в стужу октября,
в рассветный час или в огне заката.
Они придут когда-нибудь, потом,
и пусть их очертанья время стёрло,
они войдут в твой незнакомый дом
сердцебиением, перехватом горла.
На большее им не даны права,
и сам я прав особых не взыскую,
но ведь не я приду — мои слова,
а мне не удержать их ни в какую.
Не отвергай их, не гони их прочь,
не отводи растерянного взгляда.
Незваные, но как их ни порочь,
они слова — им ничего не надо.
Они придут без зова, не спросясь,
из памятных садов, с давнишних улиц,
восстановив утраченную связь
времен, где мы однажды разминулись.